

Юху Цинчжоу, отбросив седовласого старейшину, с самым что ни на есть благопристойным и вежливым выражением лица принялся любезно раскланиваться с другой группой людей, стоявшей у подножия горы.

Такое поведение ясно давало понять: ему совершенно безразлична судьба соплеменников, как плененных, так и еще сражающихся. В его глазах все они были лишь никчемными шутами, не стоящими и упоминания.

Седовласый старейшина и глава клана Лисиц едва не лопнули от ярости. Не было сомнений: если бы представилась возможность, они бы собственными руками разорвали его на куски, заставив молить о смерти.

— Благодарю Мин-вана за то, что согласился помочь в этот раз, — Юху Цинчжоу повернулся к нескольким стоявшим неподалеку злым монахам-еретикам и сложил руки в приветственном жесте: — А также благодарю вас, мастера, за то, что не погнушались прийти.

Те в ответ тут же затараторили: — Что вы, что вы, — и ответили взаимным поклоном. По сравнению с ними отношение Мин-вана к Юху Цинчжоу было гораздо более принужденным.

— Ха-ха, Деси, ты слишком официален. При нашей-то дружбе такие церемонии ни к чему!

Юху Цинчжоу лишь светло улыбнулся:

— Ваше Высочество, ваше великодушие нам недостижимо.

Затем он указал на вершину Снежной горы:

— Прошу, не беспокойтесь. Тот предмет, о котором я упоминал, непременно спрятан в тайном месте внутри поместья клана Лисиц. Как только мы захватим всех этих людей, допрос быстро прояснит ситуацию. В конце концов, даже если мы просто сровняем то место с землей, уверен, мы все равно его найдем.

Мин-ван одобрительно похлопал Юху Цинчжоу по плечу:

— Раз за дело берется Деси, я спокоен, ха-ха... — закончив, он снова разразился довольным смехом.

На самом деле, хотя Мин-ван и поддерживал с Юху Цинчжоу личные отношения, часто приглашая его на ночные пиры, он не стал бы так легко ввязываться в эту авантюру, если бы Юху Цинчжоу не пообещал ему огромную выгоду. В конце концов, он был лишь смертным, а те — представителями иного народа.

Пусть Мин-ван и приходился родным братом нынешнему императору, в борьбе за престол отец не щадит сына, не говоря уже о братьях.

Мин-ван всегда отличался большими амбициями и мечтал при жизни свергнуть старшего брата и занять его место. Однако он был достаточно разумен, чтобы понимать: нынешних сил недостаточно для переворота, поэтому до сих пор ему удавалось искусно притворяться покорным.

Но с годами это стремление не только не утихло, а стало лишь нестерпимее.

И именно в этот момент к нему пришел Юху Цинчжоу и рассказал о сокровище клана Лисиц, способном даровать смертному тело, которое не стареет и не гниет сотни лет.

Для Мин-вана, мечтавшего об этом, предложение было идеальным. Поэтому, услышав условия Юху Цинчжоу, он без колебаний согласился.

Хотя казалось, что они объединились для осады Снежной горы только сейчас, на самом деле они планировали этот успех более трех лет.

И лишь когда Мин-ван завербовал тех монахов, а Юху Цинчжоу убедился в их мастерстве, когда Юань Цзыжу пообещал во что бы то ни стало задержать Ху Тяня, они, обсудив детали, с полной уверенностью пошли в атаку.

Клан Юху и клан Лисиц были кровными врагами, поэтому они прекрасно знали козыри друг друга. Юху Цинчжоу, мастер интриг, задолго до этого продумал сотни планов нападения.

Эти массивы убийства были расставлены не только здесь, но и по всему склону вплоть до подножия, буквально перекрывая каждый дюйм пути.

Юху Цинчжоу давно предвидел, что ради спасения остатков своего клана они выберут тактику сохранения сил, и этот сценарий был одним из самых проработанных.

Теперь все шло именно так, как он предполагал!

Юху Цинчжоу лениво взмахнул веером. Наконец-то этот день настал. Отныне в Мире Демонов останется лишь один клан — клан Юху. А что касается клана Лисиц... ха-ха, после сегодняшнего уничтожения кто вообще о нем вспомнит?

Он с силой сложил веер. Наблюдая за тем, как старейшины клана Лисиц, вначале сражавшиеся поодиночке, забыли о всякой чести и теперь вчетвером набросились на одного из монахов, он лишь усмехнулся.

Заметив, что его отец и Великий старейшина с тех пор, как прибыли сюда и увидели истинное положение дел, не сделали ни единого движения, Юху Цинчжоу опустил глаза, скрывая насмешку, но, подняв их снова, уже выглядел как ни в чем не бывало.

Он громко обратился к ним:

— Боюсь, при нынешнем положении дел отцу и уважаемым старейшинам больше не удастся оставаться в стороне. Иначе, если это станет известно, тогда...

Даже не договорив, он дал понять всё, что нужно: люди из основного клана Юху прекрасно понимали, о чем речь.

Бывший глава клана Юху промолчал — видимо, он уже не знал, что сказать собственному сыну.

А Великий старейшина, не имевший подобных терзаний, смотрел на Юху Цинчжоу, который должен был хранить верность и чистоту помыслов своего клана, а вместо этого совершил такое злодеяние, с полным безразличием.

Если присмотреться, можно было заметить, что его отношение к Юху Цинчжоу не просто упало до нуля — оно стало ледяным.

— Знай мы, что ты задумал, ни за что не позволили бы себя обмануть!

Если бы кто-то из соплеменников когда-либо услышал подобное от Великого старейшины, это стало бы для него опасным знаком. Но Юху Цинчжоу лишь легко улыбнулся, словно его не ругали, а хвалили:

— Разумеется, разумеется. Именно потому, что я предвидел такую позицию старейшины, мне пришлось проявить доброту и скрыть свои планы, не так ли?

Запретная техника, наложенная сотни лет назад, была табу во всем мире. Кто бы мог подумать, что Юху Цинчжоу осмелится прибегнуть к столь гнусному методу!

Хотя демонические культиваторы не были столь строги в вопросах пролития крови, как праведники, честный бой считался единственным достойным путем. А такие массивы убийства, чьими бы руками они ни были созданы, навлекали на душу тяжелый грех.

Однако, как и намекал Юху Цинчжоу, теперь в глазах окружающих было уже неважно, что именно он совершил и знали ли они об этом заранее. Они были намертво связаны с ним одной судьбой.

Великий старейшина, достигший тела полубессмертного, еще никогда не был так разъярен. Но ситуация была критической. Даже желая немедленно покарать Юху Цинчжоу — позор их клана, — он был вынужден подавить гнев и сначала разобраться с остатками клана Лисиц.

В конце концов, его главная обязанность — оберегать честь и положение клана Юху, создававшиеся тысячелетиями.

Изначально, обманутый Юху Цинчжоу, он пришел сюда лишь для того, чтобы проучить клан Лисиц, посмеявшийся подставить их и лишить лица, но не собирался истреблять их до последнего.

Теперь же выбора не было.

Великий старейшина, чья рука стала подобна клинку, взмахнул ладонью и сбил с ног одного из старейшин Лисиц, продолжавших яростную атаку.

Прищурившись, он бросил:

— Не безумствуй, мальчишка. Когда всё закончится, придет и твой черед отвечать за содеянное.

Хотя старейшина стоял к Юху Цинчжоу спиной, все поняли, к кому он обращается. В душе он уже твердо решил: после победы нужно будет избавиться и от этих злых монахов. Иначе, если оставить их в живых — неизвестно, где они обучились такой запретной технике, — они несомненно принесут миру беды.

Сказав это, он, не обращая внимания на реакцию Юху Цинчжоу, бросился в гущу битвы.

А старейшины Лисиц, с трудом пленившие одного из монахов и пытавшиеся выведать способ разрушения массива, едва не добились признания, как Великий старейшина ворвался в круг и одним ударом прервал жизнь предателя.

Седовласый старейшина Лисиц помрачнел:

— Вы, клан Юху, действительно хотите истребить нас до последнего?

На испещренном морщинами лице Великого старейшины отразилась глубокая усталость. Он тяжело вздохнул:

— Наш клан виноват перед вами. Но сегодня этому уже не быть исправленным.

Седовласому старейшине стало тошно от этого лицемерия. Он понял: их клан действительно

стоит на пороге гибели. Добродушный старик внезапно преобразился: его демоническая сила хлынула наружу, черты лица исказились, а в глазах застыла жажда убийства.

— Вы, воры из клана Юху, сегодня я уничтожу вас всех!

Более того, выпущенная сила внезапно сжалась, превратившись в золотисто-красный шар. Когда шар окончательно сформировался, он сорвался с места и пробил грудь седовласого старейшины, войдя прямо внутрь.

Кровавая рана зияла на его теле, а шар, поглотив сердце старейшины, занял его место, соединившись с венами и артериями.

Весь этот процесс был мучительным: даже старый демон, проживший почти тысячу лет, не выдержал и согнулся в приступе неистовой дрожи.

Когда он снова поднял голову, даже Великий старейшина невольно вздрогнул.

Юху Цинчжоу, до этого сохранявший спокойствие, инстинктивно почувствовал угрозу. Он невольно отступил в сторону, приняв оборонительную стойку.

Тело седовласого старейшины вздулось, вены вздулись, мышцы стали твердыми, как сталь. Его фигура увеличилась в размерах, серебряные волосы от корней до кончиков мгновенно почернели, а морщины разгладились.

Он снова выглядел как мужчина в самом расцвете сил, а его аура была настолько мощной, что даже Великий старейшина был вынужден отступить на шаг.

Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы устоять на месте. Что уж говорить об остальных: многие смертные воины, сопровождавшие Мин-вана, начали харкать кровью и терять сознание.

Но это было не самое страшное. Вслед за седовласым старейшиной в это состояние впали и остальные старейшины Лисиц.

Глядя на скорбное лицо главы клана Лисиц, Великий старейшина понял: они используют жизненную силу как топливо, подобно самоподрыву. Время их жизни в этом состоянии было крайне ограничено.

Если раньше преимущество было на стороне Юху, то теперь, даже несмотря на временное усиление, ситуация могла обернуться катастрофой для них самих.

Если бы Великий старейшина знал, к чему приведет осада, он бы ни за что не согласился.

Увидев, что седовласый старейшина смотрит прямо на него, он бросился в атаку.

В мгновение ока они столкнулись, и звуки ударов разнеслись по всей округе.

Теперь Великий старейшина мог лишь пытаться тянуть время, чтобы дать своим соплеменникам шанс. Но он не ожидал, что состояние ярости продлится так долго.

Они сражались до глубокой ночи, но никто из них не пал. Более того, они умудрялись прорывать окружение и убивать воинов Юху.

Чем дольше тянулось время, тем сильнее становилось предчувствие беды.

Внутри массива оставалось меньше сотни лисиц. Великий клан, насчитывавший десятки тысяч соплеменников, оказался на грани исчезновения. Как прискорбно!

Спустя пять-шесть часов один из старейшин Лисиц наконец пал, и в рядах Юху забрезжила надежда. Но потери были огромны: за один день погибла большая часть их клана.

Раздался грохот. Тот самый старейшина, что только что рухнул от бессилия, в предсмертной агонии решил на самоподрыв.

Самоподрыв демона — это не просто взрыв. Вся его демоническая сила превращается в тысячи игл, похищающих душу, которые разлетаются во все стороны.

Если игла попадает в тело, она нарушает ток демонической силы. Если сила противника выше твоей, то даже спустя годы ты не сможешь извлечь ее. В конце концов, меридианы разрушаются, демоническая сила выходит из-под контроля, и тело разрывает на куски, а душа получает непоправимый урон.

Услышав этот знакомый звук, Великий старейшина не оглядываясь закричал:

— Назад! Всем отступить за пределы ста ли!

Хотя иглы были ужасны, у них был радиус поражения.

Сам он, оттолкнув серебряного старейшину, использовал силу удара, чтобы отлететь в безопасное место.

Другие старейшины Лисиц, понимая, что их ждет та же участь, не пытались спастись. А те из Юху, кто успел среагировать, бросились врассыпную.

Но многие не успели. Раздались приглушенные стоны, и на поле боя воцарилась тишина.

Великий старейшина побледнел. Он не ожидал, что их уверенность в победе приведет к такому финалу. Он явно недооценил наследие клана Лисиц.

Свита Мин-вана погибла почти полностью. Сам он выжил лишь потому, что Юху Цинчжоу, убегая, прихватил его с собой.

Цинчжоу вовсе не хотел его спасать, но Мин-ван был носителем Драконьей ауры. Если бы такой человек погиб противоестественной смертью, Юху Цинчжоу не избежал бы небесной кары.

Великий старейшина напряженно размышлял. Взорвался только один. А что, если остальные поступят так же?

Он отдал приказ соплеменникам скрыться, когда внезапно почувствовал, что кто-то стремительно приближается к нему со спины.

Не оборачиваясь, он ударил ладонью по огромному валуну перед собой. Камень, размером с человеческий торс, мгновенно превратился в пыль. Можно было только догадываться, какой силы был этот удар.

<http://bllate.org/book/22153/2307667>